

Я выбираю любовь

18+

Вера Грин

Я выбираю любовь

<https://litres.ru/74348272>

SelfPub; 2026

Аннотация

Развод в 37 лет — это не клеймо, а чистый лист. После семи лет брака с инфантильным «творцом» Кристина наконец-то свободна: у неё есть карьера в глянцевом журнале, идеальная фигура и тишина в квартире. Она думала, что эйфория будет длиться вечно, пока однажды ночью её младшая сестра Лена, вооружившись бутылкой шампанского, не решила, что статус «разведенки» требует официальной регистрации на сайте знакомств.

Содержание

Глава 1. Кофе и тишина	4
Глава 2. Никаких нотаций	9
Глава 3. Кира и ее шесть браков	13
Глава 4. Как у людей	18
Глава 5. Вино в час дня?	23
Глава 6. Планёрка, провал и неделя на спасение	28
Глава 7. Выходной из головы	34
Глава 8. Мамин голос и запах детства	38
Глава 9. Шампанское и разбор полётов	46
Глава 10. Регистрация ради прикола	53
Глава 11. Утро после и возрастное	59
Глава 12. Десять писем и подружки-заговорщицы	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Вера Грин

Я выбираю любовь

Глава 1. Кофе и тишина

Кухня заливалась утренним солнцем. Оно просачивалось сквозь жалюзи и падало полосатыми прямоугольниками на белую столешницу, превращая обычное утро в кадр из дорогого кино. Кристина стояла у плиты босиком, чувствуя прохладу керамической плитки под пальцами ног, и наблюдала за туркой.

Процесс варки кофе в турке был для неё медитацией. Она любила момент, когда густая, почти чёрная жидкость начинала подниматься, образуя шапку из мелкой пенки. Кристина вовремя снимала турку с огня, давая пенке осесть. Идеальный баланс между терпкостью и нежностью.

Она вдохнула аромат. Запах свежего молотого зерна, смешанный с тонкой ноткой корицы — она бросила палочку на дно турки за секунду до закипания. В доме было тихо. Кристина прикрыла глаза и позволила себе просто быть.

Она не слышала надоедливового кашля из спальни. Не слышала громких кликов компьютерной мыши в три часа ночи. Не слышала хлюпанья носом, когда кто-то не мог найти свои носки, хотя они лежали на видном месте. Не слышала беско-

нечного «Кри-и-и-с, а где мой синий свитер?» — хотя свитер висел в шкафу.

Две недели. Целых четырнадцать дней молчания. Кристина чувствовала себя так, словно с плеч сняли рюкзак с кирпичами, который она таскала целых семь лет. Она улыбнулась собственным мыслям, налила дымящийся кофе в любимую белую кружку и сделала первый глоток.

Эйфория. Настоящее счастье.

Кристина взяла телефон, чтобы включить свой утренний плейлист — тихий джаз, который Максим ненавидел и называл «похоронным маршем для аристократов». Её палец уже почти нажал на кнопку, как вдруг экран загорелся сам. Ещё даже не было восьми утра, а имя на дисплее заставило её брови поползти вверх.

«Алла Сергеевна».

Бывшая свекровь. Та, которая две недели назад, узнав о разводе, сказала: «Ну, Кристина, зараза ты такая! Мой сын страдает!»

Кристина закатила глаза. Внутреннее умиротворение дало трещину, как гладь озера, в которую бросили камень. Но она была взрослой женщиной. Она взяла трубку, стараясь говорить максимально нейтрально.

— Алло, Алла Сергеевна, доброе утро.

Из трубки вылетел звук, похожий на возмущение оскорблённой курицы, перешедшее в пафосную речь.

— Кристина! Ну сколько можно?! Как тебе не стыдно?!

Ты вообще человека в гроб загоняешь!

Кристина поморщилась и отодвинула телефон от уха на несколько сантиметров.

— Алла Сергеевна, с кем вы разговариваете? — переспросила Кристина с ледяной вежливостью. — Что случилось?

— Ты выгнала моего Максика на улицу! — голос свекрови набирал обороты. — Он сейчас здесь, сидит на кухне, пьёт валерианку! Я ему сварила кашу, а он даже ложку не может поднести, потому что у него руки трясутся! От стресса, Кристина!

Кристина сделала глоток кофе. Она чувствовала, как горячая жидкость разливается внутри, согревая её. И это придало ей сил.

— Алла Сергеевна, — сказала она медленно и отчётливо, — квартира, из которой я якобы выгнала вашего сына, была куплена мной за два года до нашего знакомства.

— Кристина, ты — чёрствый сухарь! Неблагодарная! Я для тебя столько всего сделала, сколько могла! А ты, начитавшись своих дурацких книжек про «самореализацию» и «выход из созависимости», решила, что ты королева! Бросила человека на произвол судьбы!

На этом месте Кристина громко и искренне рассмеялась. Она запрокинула голову, и смех отразился от кафельной плитки и вылетел в открытое окно.

— Книжки? Алла Сергеевна, вы меня удивляете, — вытирая выступившие от смеха слёзы, сказала Кристина. — Я

вообще не читаю книжек по саморазвитию. Мне некогда. Но поверьте, если бы я их читала, я бы поняла, что нужно было уходить от вашего «Максика» ещё на второй год брака, а не на седьмой.

— Что ты такое говоришь?! — возмутилась Алла Сергеевна. — Ты совсем совесть потеряла! Я же тебя, как родную... Я же тебе... — она запнулась, перебирая в памяти свои великие благодеяния. — А как же кофта?! Такая красивая, розовая! Я её тебе подарила на Новый год! Ты даже спасибо не сказала нормально!

Кристина поставила локти на стол и прикрыла глаза, сдерживая улыбку. Кофта... Чёрт возьми, она и правда совсем забыла про неё. Та самая розовая кофта, что висела в шкафу в плотном полиэтиленовом пакете: от неё пахло нафталином, а ткань кололась, будто ёршик для туалета. Кристина ни разу её не надела.

— Ах, кофта! — воскликнула Кристина с наигранной радостью, будто вспомнила о самом дорогом подарке в своей жизни. — Алла Сергеевна, спасибо, что напомнили! Я как раз сегодня собиралась разобрать гардероб. Вашу кофту я аккуратно сложу и отправлю вам заказной бандеролью. С уведомлением о вручении. Чтобы вы точно знали, что она доехала.

В трубке повисла глухая пауза. Кристина почти физически чувствовала, как там, на другом конце провода, у Аллы Сергеевны открывается рот и закрывается, как у рыбы, вы-

брошенной на берег.

— Ты... ты... — заикаясь, начала свекровь. — Да как ты смеешь, дрянь ты такая! Ты ещё пожалеешь! — заверещала в трубке Алла Сергеевна. — Никому ты не нужна! Максик был твоим единственным шансом!

Кристина улыбнулась самой спокойной улыбкой, на которую была способна.

— Прощайте, Алла Сергеевна.

Она не стала ждать ответа. Просто нажала на красную кнопку, а затем, недолго думая, зашла в настройки контакта и нажала «Заблокировать абонента».

Кухня снова наполнилась тишиной. Кристина перевела дух, взяла уже почти остывшую кружку и сделала последний глоток. Кофе был горьковатым, но на удивление вкусным.

Она посмотрела на свои руки. Они не дрожали. Сердце билось ровно. Две недели развода.

Кристина включила джаз, открыла ноутбук и записала в заметках: «Бандероль. Кофта. Идея для колонки: "Подарки, которые дарят, чтобы унижить"».

Она была счастлива.

Глава 2. Никаких нотаций

Кристина вышла из подъезда и на мгновение зажмурилась. Осень в этом году была необыкновенной — золотой и тёплой. Воздух пах яблоками, мокрой листвой и почему-то ванилью. Солнце висело низко, но грело по-летнему, пробираясь сквозь кружево крон, которые уже начали желтеть, но ещё не облетели.

Она остановилась на крыльце, подставила лицо лучам и глубоко вдохнула. Грудь наполнилась прохладой, смешанной с едва уловимым дымком откуда-то из соседнего двора — кто-то рано утром уже жёг листву. Кристина улыбнулась. Две недели назад она бы не заметила этого запаха. Две недели назад она бы бежала на работу с опущенной головой, прокручивая в голове утреннюю перепалку.

Сегодня она шла медленно. Наслаждаясь.

На Кристине было любимое пальто — песочного цвета, мягкий кашемир, который она купила на распродаже три года назад и берегла как зеницу ока. Под ним — тонкий бежевый свитер и джинсы безупречной посадки, те самые, которые сидят как влитые и делают ноги бесконечными. Волосы, собранные в небрежный пучок на затылке, выбивались отдельными прядями, и ветер играл с ними, словно тоже радовался её свободе.

Она знала себе цену. Не с вызовом, не с гордостью, а спо-

койно, как знают, что земля круглая, а дважды два — четыре. Кристина знала, что хороша собой, но это знание не давило на неё, не заставляло каждое утро проверять себя в зеркале с лупой. Это было фактом. Как осень. Как тепло. Как то, что она больше никому ничего не должна.

Она зашла в маленькую кофейню на углу, ту, куда всегда мечтала заглядывать, но вечно опаздывала — потому что утром нужно было накормить Максима завтраком, погладить ему рубашку (хотя он утверждал, что «это не его путь»), и выслушать получасовую лекцию о том, как устроен мир.

— Доброе утро! — улыбнулась бариста, симпатичная девушка с рыжими кудрями. — Обычный?

— Да, — Кристина кивнула. — Только большой. И с собой.

— Хорошее утро, да? — девушка протянула стаканчик с дымящимся напитком.

— Лучшее за последние годы, — честно ответила Кристина и заплатила.

Она вышла на улицу с тёплым стаканчиком в руках и направилась пешком в редакцию. Тридцать минут ходьбы через центр города. Раньше это казалось ей наказанием — долго, утомительно, отнимает время. Теперь она понимала, что эти тридцать минут были её личным ритуалом. Единственным временем, которое принадлежало только ей.

Она шла по улице, усыпанной кленовыми листьями, и хрустела ими с удовольствием ребёнка. Прохожие оборачи-

вались — мужчины на мгновение задерживали взгляд, женщины с лёгкой завистью смотрели на её пальто и осанку. Кристина никого не замечала. Она видела только небо, деревья и свою собственную тень, которая танцевала перед ней на тротуаре.

Каждый шаг отдавался внутри лёгким вибрацией. Глупая, почти детская радость распирала грудь.

Она вспомнила утро. Как Максим всегда портил ей настроение ещё до того, как она успевала сделать первый глоток кофе. Он выходил на кухню взлохмаченный, в растянутой футболке, с отсутствующим взглядом и начинал.

«Крис, ну сколько можно? Ты опять в этом бежевом? Ты же выглядишь как официантка в дорогом ресторане. Надень что-то яркое, оживи себя».

Или:

«Ты снова идёшь пешком? Зачем себя мучить? Ты что, не можешь вызвать такси, как нормальный человек? Или тебе экономия важнее твоих ног?»

Или самое любимое:

«Кристина, ну что ты пишешь в своём журнале? Какую-то чушь для тёток, которым нечем заняться.»

Она тогда молчала. Кивала. Допивала кофе и убегала, чувствуя себя маленькой и ничтожной. Ей казалось, что он прав. Что она действительно делает что-то не то. Что её работа — ерунда, её внешность — нелепа, её привычки — странные.

А потом она перестала молчать. А потом она подала на развод.

Кристина почти дошла до редакции. Высокое здание из стекла и бетона отражало голубое небо, и она на секунду остановилась, чтобы полюбоваться. Её место. Её команда. Её колонка, в которой она могла писать то, что думает, а не то, что «одобряет» муж.

— Кристина Викторовна! — её окликнул охранник на проходной, пожилой дядька Василий, который всегда улыбался ей и говорил комплименты. — Вы сегодня прямо светитесь! Или это осень так влияет?

— Или я, Василий Иванович, — ответила Кристина, подмигнув. — Или я.

Она вошла в лифт и нажала кнопку седьмого этажа. Двери с мягким шипением закрылись, унося её из мира листьев и солнца в мир женских колонок, редакционных дедлайнов и остроумной Киры.

Но внутри неё всё ещё шумел ветер. Она улыбнулась своему отражению в полированной стали и подумала: «Я иду на работу. Я счастлива. И мне плевать, что обо мне думает Максим».

Глава 3. Кира и ее шесть браков

Кабинет Кристины находился на седьмом этаже, в самом конце коридора. Маленький, но уютный — с большим окном, выходящим на ту самую золотую осень, которой она только что любовалась. На подоконнике стояла любимая фиалка, которую Кристина поливала строго раз в неделю, и стопка свежих номеров журнала «Ты сможешь». На стене висела пробковая доска, утыканная стикерами с идеями для колонок, фотографиями с мероприятий и парой открыток от читательниц.

Кристина сняла пальто, повесила его на спинку стула, села и с наслаждением вытянула ноги. Она чувствовала себя в этом кресле как рыба в воде. Тихое жужжание компьютера, запах бумаги и типографской краски, мягкий свет настольной лампы — всё это было её, родное. Её территория.

Она уже открыла ноутбук, чтобы проверить почту, как вдруг дверь с тихим скрипом приоткрылась. Даже не постукав. Впрочем, начальнице можно не стучать.

— Крис, детка, ты как? — раздался бархатный, чуть хрипловатый голос.

В дверях стояла Кира. Стройная, как тростинка, в чёрном брючном костюме от кутюр, который сидел на ней так, будто был сшит специально для неё. Тонкая шёлковая блузка, растёгнутая на две пуговицы, открывала ключицы. Волосы —

короткая стрижка, пепельный блонд, безупречная укладка, ни одного волоска не на месте. Макияж — лёгкий, но идеальный. Кира выглядела так, будто ей максимум сорок, а не сорок семь. И ни одной морщинки. Кристина не знала, в чём секрет — дорогая косметика, хорошая генетика или деньги, но она восхищалась своей начальницей каждый день.

Кира грациозно, как пантера, пересекла кабинет, подошла к столу, наклонилась и чмокнула Кристину в щёку. Чмокнула виртуально — даже не коснувшись губами кожи, оставив лишь аромат дорогих духов с нотками пачули и бергамота. Это было жестом, ритуалом. Подчёркнуто близким, но ровно настолько, чтобы сохранить дистанцию.

— Ну, рассказывай, — Кира откинулась на стул для посетителей, закинула ногу на ногу. — Я знаю, что ты пришла с утра и даже не забежала ко мне. Это либо значит, что всё ужасно, либо всё прекрасно.

— Всё прекрасно, — ответила Кристина, и в голосе её действительно звучала лёгкость. — Настолько прекрасно, что я даже не знаю, куда эту энергию девать.

Кира приподняла идеально выщипанную бровь.

— Надо же. Ты знаешь, когда я первый раз развелась, я месяц из дома не выходила. Правда, у меня и работы такой не было, я тогда в каком-то банальном глянце сидела, статьи про «10 способов уложить волосы» строчила.

— Что, так плохо было? — Кристина рассмеялась.

— О, детка, ты даже не представляешь, — Кира откину-

лась на спинку стула и закатила глаза. — Мой третий муж. Он был невероятно хорош собой. Как греческий бог. Скулы, глаза, плечи, акцент... Мы познакомились на Кипре, он был инструктором по дайвингу. Я влюбилась по уши, уволилась с работы, переехала к нему, прожила три месяца, а потом выяснилось, что он абсолютный, стопроцентный, законченный кретин.

Кристина фыркнула.

— Он считал, что женщина должна молчать, пока мужчина говорит. Что мода — это блажь, а работа — способ убить время до ужина. Я пыталась ему объяснить, что я журналист, что я пишу тексты, которые читают тысячи людей. А он смотрел на меня как на ребёнка, который рассказывает сказку, и говорил: «Кира, ну зачем тебе это? Я тебя обеспечу. Сиди дома, будь красивой». — Кира усмехнулась и покачала головой. — Я через три месяца поняла, что, если останусь ещё на день, я задушу его в его же маске с трубкой. Собрала чемодан и уехала. Но первые недели... я просто лежала на диване и смотрела в потолок. Думала, что я неудачница. Что я не умею выбирать мужчин. Что всё, жизнь кончена.

Она замолчала, и в кабинете повисла пауза. Кристина смотрела на свою начальницу и видела перед собой не богиню женского журнала, а женщину, которая тоже была когда-то разбита и собрала себя заново. Шесть раз.

— А потом я поняла, — продолжила Кира, — что мужья приходят и уходят, а профессия остаётся. Поэтому я вышла

замуж ещё пять раз. Для коллекции. И каждый раз разводилась, потому что моя работа была важнее их идиотских амбиций.

Они обе рассмеялись — звонко, искренне, по-женски, так, как умеют смеяться только те, кто знает цену мужской глупости.

— Крис, — Кира вдруг стала серьёзной и подалась вперёд, — если хочешь, продли отпуск. Приди в себя, съезди куда-нибудь. Ты последние годы пахала как лошадь, тащила на себе дом, работу, этого твоего Максима... Может, нужно выдохнуть?

Кристина отрицательно покачала головой и даже рукой отмахнулась, словно отгоняя муху.

— Нет, Кир, спасибо. Серьёзно. Наоборот, я хочу работать. У меня сейчас такое состояние, — она задумалась на секунду, подбирая слова, — я чувствую себя так, будто у меня наконец-то выросли крылья. И я хочу ими пользоваться. Писать. Придумывать. Выдавать такие тексты, чтобы наши читательницы в обморок падали.

Кира прищурилась и внимательно посмотрела на неё. Взгляд у неё был острый, как скальпель, но в этот момент в нём плескалось уважение.

— Ты знаешь, — сказала Кира тихо, почти шёпотом, — я ведь не просто так тебя в своё время взяла. Я увидела в тебе ту самую искру, когда ты пришла на собеседование с папкой статей, которые ты писала в стол. Ты тогда была зажата,

говорила не очень уверенно, но тексты... Они были живые. Настоящие. Ты умеешь говорить с женщинами так, как они хотят, чтобы с ними говорили. Не свысока, не назидательно, а по-дружески.

Кристина улыбнулась и отвела глаза, смутившись от похвалы.

— Спасибо, Кир.

— Не благодари, — отрезала начальница, вставая и поправляя пиджак. — Ты заслужила. И знаешь, если твой бывший думает, что наша работа — чушь, то пусть идёт... ну, ты поняла куда. Без обид. — Она подмигнула и направилась к двери, но уже на пороге обернулась. — Слушай, у нас сегодня планёрка в три. Подготовь что-то дерзкое. Осень, развод, новая жизнь — это же золотая жила для женского журнала. Сделай так, чтобы мы их порвали.

— Сделаю, — твёрдо сказала Кристина.

Кира вышла, оставив за собой шлейф дорогого парфюма и ощущение, что разговор был передачей эстафеты.

Кристина повернулась к окну. За стеклом кружились первые золотые листья, и она почувствовала, как внутри неё разливается тёплое, уверенное спокойствие. Она была на своём месте. Она делала своё дело.

Глава 4. Как у людей

Кристина сидела у окна, глядя на золотую осень за стеклом. Она смотрела вниз на сквер, где играли дети. Пока ещё маленькие, в разноцветных курточках с визгом бегали по дорожкам, усыпанным листьями, и смеялись.

Родители сидели на скамейке — молодая пара, он обнимал её за плечи, она показывала ему что-то в телефоне. Рядом в коляске спал малыш, накрытый пледом. Картинка была до того идиллической, что могла бы украсить обложку любого женского журнала. Вот оно — счастье. Настоящее. Простое.

Кристина поймала себя на том, что внутри что-то кольнуло. Острая, но короткая боль, как укол булавкой. Она перевела взгляд на своё отражение в стекле — красивая, стильная женщина, у которой за спиной семь лет брака и две недели развода. И ни одного ребёнка.

"Как у людей", — подумала она. — "Свадьба, дети, счастье. Дом, где всё по-настоящему. Где утром пахнет блинами, вечером муж возвращается с работы и целует в лоб, а по выходным вы ездите к родителям в гости. Как у мамы с папой".

Она вспомнила родительский дом. Мама встречала её после школы с горячим обедом. Папа приходил с работы и всегда приносил что-то вкусное — то шоколадку, то мандарины.

Они сидели на кухне, пили чай, и папа рассказывал смешные истории с работы, а мама смеялась, запрокидывая голову. Потом появилась младшая сестра — Лена, на пять лет младше, и в доме стало ещё шумнее и веселее. Они ссорились, мирились, делили игрушки, а вечером всей семьёй смотрели телевизор, укрывшись одним пледом.

Кристина думала, что у неё будет так же. Что она выйдет замуж за мужчину, который будет таким же надёжным, как папа. Который будет любить её, заботиться, строить планы. Который не побоится ответственности и будет её партнёром, а не обузой.

Она вышла замуж за Максима, потому что он казался ей творческим, непохожим на других, чувствительным. Он читал стихи на первом свидании, играл на гитаре и говорил, что «мир — это холст, а мы — художники». Это звучало так романтично. Так необычно.

А потом оказалось, что холст он рисовать не умеет, а художник из него такой, что не может даже гвоздь в стену забить. И кран починить. И счета оплатить. И убрать за собой посуду.

Она вспомнила, как через год после свадьбы они заговорили о детях. Кристина тогда была полна надежд и иллюзий. Она представляла, как они купят кроватку, выберут имя, будут гулять с коляской по тому самому скверу. Она уже видела себя с животом, счастливую, сияющую.

— Макс, — сказала она однажды вечером, когда они ле-

жали в постели. — А давай попробуем? Я чувствую, что готова.

Максим даже не поднял головы, когда ответил.

— Да ну, Крис, какой ребёнок? Ты представляешь, сколько это геморроя? Крики, пелёнки, бессонные ночи. Я к этому не готов. Я ещё сам не реализовался, ты же знаешь. Мне нужно сосредоточиться на творчестве. А ты с детьми будешь заниматься, а меня на второй план? Нет, не сейчас.

Кристина тогда проглотила обиду. Сказала себе: «Ну подожду, что такого? Он же творческая натура, ему нужно время. Он ещё созреет. Мы же любим друг друга».

Она ждала год. Два. Три. Каждый раз, когда она заговаривала о детях, Максим либо уходил в отказ, либо начинал обижаться.

— Ребёнок — это же конец свободы. Ты хочешь, чтобы я стал как все? Скучным папой? Я — артист, Крис. Я не создан для этого.

И она перестала спрашивать. Задвинула тему на самую дальнюю полку, как коробку с мечтами, которые больше не сбываются. Привыкла. Смирилась. Говорила себе, что у них есть друг у друга, есть работа, есть какие-то общие планы. Что дети — это не главное.

Но сейчас, глядя на эту молодую пару со спящим малышом в коляске, она поняла, как сильно она себе врала. Семь лет. Семь лет она ждала, что Максим повзрослеет. Что он перестанет быть тем самым «сыночком», который не спосо-

бен не то, что взять ответственность за семью — даже за себя самого. Он жил в её квартире, питался за её счёт, пользовался её временем и терпением, а сам был вечным подростком, который оправдывал свою инфантильность «творческой натурой».

Она взглянула на своё отражение в стекле. Где-то в глубине души жила та самая Кристина, которая в тридцать лет выходила замуж с надеждой на настоящую семью. Которая хотела, чтобы у неё было двое детей, как у мамы с папой. Чтобы они вместе встречали старость, сидели на кухне и пили чай, а вокруг бегали внуки.

Вместо этого — потраченное время на мужчину, который не умел забивать гвозди, не хотел брать ответственность и даже не пытался понять, что у его жены есть потребности и мечты.

Кристина закрыла глаза и глубоко вздохнула. На минуту ей стало грустно. Горько до слёз. Она позволила этой грусти накрыть её, как осенняя дымка.

«Стоп, — сказала она себе. — Никакой жалости. Ты сделала выбор. Ты освободилась. И теперь у тебя есть шанс начать всё сначала.»

До планёрки ещё есть время. Можно успеть написать черновик колонки. Кристина открыла ноутбук и, покачив головой, улыбнулась собственным мыслям.

Она набрала текст:

«Осень. В окно я вижу детей в сквере. И смотрю, как бе-

гают малыши, смеются родители... Хотите, я расскажу вам, как выйти замуж за взрослого ребёнка, который боится собственной тени? Осторожно — будет больно, но честно. Поехали».

Глава 5. Вино в час дня?

Кристина как раз закончила набрасывать первый абзац будущей колонки, когда дверь её кабинета распахнулась без стука. Это был фирменный стиль девчонок — они всегда врываются шумно, будто врываются в комнату к подруге в общаге, а не в кабинет главного редактора авторской колонки.

— Крис! Сто-о-о-п! — раздался звонкий, чуть командный голос Яны. — Закрывай ноутбук, мы идём есть.

Яна влетела в кабинет первой. Высокая, волосы в хвосте, дерзкий взгляд, улыбка до ушей. Четыре месяца назад она вышла из декрета, в котором провела в общей сложности семь лет — трое детей, трое декретов подряд. И теперь она была похожа на женщину, которой дали кислород после долгого ныряния. Она светилась. Она хотела работать. Она хотела говорить с миром. И мир, судя по всему, был рад её возвращению.

— Яна, ты как ураган, — засмеялась Кристина, прикрывая ноутбук. — Ты чего так врываешься?

— Потому что у нас скоро обед! — Яна упёрла руки в боки.

Следом за Яной, робко, но с улыбкой, вошла Ира. Тридцать пять, пышная, про таких говорят кровь с молоком, с большими глазами, в которых иногда читалась какая-то дет-

ская тревога. Ира работала корректором. Она была лучшим корректором в редакции, видела ошибки там, где их не было, и боялась ошибок в собственной жизни.

Она уже три года жила одна. У неё был кот, книги и вечный страх, что если она впустит кого-то в свою жизнь, то потеряет себя. Она первая приходила на работу, и последняя уходила, а если кто-то предлагал сходить на свидание — Ира придумывала сотню отговорок.

— Мы тебя не отпустим, — мягко сказала Ира.

Кристина вздохнула, посмотрела на пустой экран ноутбука, потом на подруг и сдалась. Она улыбнулась.

— Вы меня уговорили. Но только при одном условии: вы накидаете мне десяток идей. Потому что Кира ждёт от меня дерзости, а у меня в голове пока только разговоры со свекровью.

— Кстати, про свекровь — это ж золотая жила для женского журнала. Все женщины ненавидят своих свекровей, но боятся об этом говорить, — хихикнула Яна.

— Да, я подумала об этом, — усмехнулась Кристина.

Они спустились на первый этаж и вышли из офиса. Кафе находилось через дорогу, и они втроём, как девчонки, перебежали через улицу, смеясь и размахивая сумками.

Заказали пасту, салат, бутылку красного сухого.

— Вино, в час дня? — удивилась Кристина.

— Ну а что, мы отмечаем твой развод, — парировала Ира.

Яна, откусив кусочек хлеба с чесночным маслом, начала:

— Крис, слушай. Ты сейчас в такой точке, когда можешь говорить всё, что думаешь. Ты абсолютно свободна. Пользуйся.

— Легко тебе говорить, — усмехнулась Кристина. — У тебя муж — идеальный. Трое детей, и ты счастлива в браке. У тебя всё есть.

Яна хмыкнула, но без злобы.

— Идеальный, говоришь? Ты знаешь, сколько раз я собиралась развестись? Особенно когда третий родился, и Сашка не спал ночами, а муж орал, что у него совещание в девять утра. Я чуть не придушила его подушкой. Но мы прошли через это. Он научился меня слышать. А я научилась не молчать. И мы счастливы. Знаешь, в чём секрет?

— В чём? — спросила Кристина, внимательно слушая.

— В том, что я перестала быть его мамой. Я стала его женой. — Яна подняла бокал. — Ты, Крис, тоже была мамой для Максима. Ты будешь счастлива. Поверь мне. Я знаю, о чём говорю — я мать.

Ира поправила волосы, и тихо сказала:

— Яна права. Но, Крис, если ты не хочешь искать... это тоже нормально. Мне вот хорошо одной. У меня кот, книжки, я хожу в театр. Я не боюсь одиночества. И знаешь, почему?

— Почему? — спросила Кристина, поворачиваясь к ней.

— Потому что одиночество — это не когда ты одна. Это когда ты с неправильным человеком. — Ира потупила взгляд, но улыбнулась. — Ты же знаешь, я боюсь мужчин.

Не в смысле, что я их ненавижу. Я просто боюсь, что они разрушат мой мир. У меня есть работа, есть уют, я могу делать, что хочу, когда хочу. И это круто. Иногда я думаю, что, может, я странная. Но знаешь, что сказала моя мама?

— Что? — Яна и Кристина спросили одновременно.

— Она сказала: «Дочка, лучше быть странной и счастливой, чем нормальной и несчастной с каким-нибудь козлом».

— Ира засмеялась.

Три подруги. У каждой из них была своя история. У Яны — счастье в браке и трое детей. У Иры — спокойное одиночество. А у Кристины — свобода, страх и надежда одновременно.

— Слушайте, — сказала Кристина, поднимая бокал с вином. — За нас. За то, что мы есть. За то, что у нас есть работа, которая нас вдохновляет. За то, что мы не боимся быть разными. И за то, что мы есть друг у друга.

— За нас! — подхватили Яна и Ира.

Когда они допили вино и собрались возвращаться в офис, Яна вдруг обняла Кристину и сказала шёпотом:

— Ты молодец, Крис. Серьёзно. Я горжусь тобой. Ты вышла из брака, не сломалась. Теперь всё будет хорошо. Обещаю.

Кристина прижалась к подруге и почувствовала, что на глаза наворачиваются слёзы. Но это были не слёзы грусти. Это были слёзы благодарности.

— Спасибо, — прошептала она. — За то, что вы у меня

есть.

И они пошли обратно в редакцию — три женщины, три судьбы, три разные истории. И впереди у них была ещё целая жизнь.

Глава 6. Планёрка, провал и неделя на спасение

Кристина сидела в своём кабинете и смотрела на пустой экран ноутбука. Пальцы застыли над клавиатурой, а в голове — вата. Густая, липкая, непробиваемая. Слова застряли где-то в горле, забились в уголки сознания и отказывались вылезать.

Кристина вздохнула, потёрла виски и снова уставилась в монитор. Она открыла старый файл, где лежали её заметки, и начала перечитывать. Какие-то обрывки фраз, цитаты из книг, которые она хотела использовать, скомканные мысли про бывшего мужа, про свекровь, про кофту. Всё это было сырое, недоделанное, никак не связанное в единую историю.

«Твою мать», — выругалась она шёпотом и откинулась на спинку кресла. — «Ну почему именно сейчас?»

Время поджимало. Планёрка начиналась через пятнадцать минут, а у неё не было даже черновика. Она попыталась собраться, заставить себя написать хоть что-то, хоть пару абзацев. И через десять минут родился текст. Корявый, скомканный, написанный на скорую руку. Про развод, про свекровь, про кофту, которая бьёт током. Но в нём не было огня. Не было той самой искры, которая заставляет читателя задерживать дыхание и перечитывать абзац дважды.

Кристина знала, что это плохо. Чувствовала каждой клеткой. Но времени переписывать не было.

Она распечатала листок, взяла его дрожащими руками и побрела в переговорную.

В переговорной уже собрались все. Кира восседала во главе стола, как королева на троне, с безупречным макияжем. Рядом с ней сидела Оля — главный специалист по таргету, вечно взволнованная, с множеством браслетов на руках, которые звенели при каждом движении. Яна и Ира заняли места напротив, переглядываясь с Кристиной и подбадривающе улыбаясь. Ещё пара коллег — Света из отдела рекламы и Андрей, единственный мужчина в редакции, который отвечал за дизайн и вёрстку.

— Ну что, девочки, — Кира похлопала ладонью по столу. — Планёрка. Кто первый? Оля, твой таргет?

— Всё отлично, Кира Анатольевна! — затараторила Оля. — Мы запустили новую рекламную кампанию, охват увеличился на 15%, конверсия...

Кристина не слушала. Она смотрела на свой листок, на котором кривым почерком были накарябаны какие-то мысли, и чувствовала, как внутри нарастает паника. Она знала, что текст слабый. Но убеждала себя, что хоть что-то, хоть как-то, главное — не молчать.

— Кристина, — голос Киры вырвал её из раздумий. — Твоя колонка. Что у нас на этой неделе?

Кристина подняла голову, сглотнула, поднялась со стула

и взяла листок.

— Я подготовила материал, — сказала она, стараясь звучать уверенно. — Тема — развод и свобода. Точнее, как женщина переживает развод, как она учится быть одна, как справляется с давлением окружающих. Я начала с утра, когда свекровь звонит и говорит, что я выгнала её сына. Потом перехожу к размышлениям о том, как мы часто живём не свою жизнь. И... — она запнулась, посмотрела на листок, на котором было всего полстраницы. — И вот... в общем, я зачитаю.

Она начала читать. Текст был сухим, слишком личным и при этом каким-то поверхностным. Слова спотыкались друг о друга, как камни на неровной дороге. Кристина чувствовала, что в зале повисла неловкая тишина. Яна и Ира переглянулись, Оля перестала звенеть браслетами, Андрей нахмурился и уткнулся в свой планшет.

Она дочитала до конца, подняла глаза и встретилась взглядом с Кирой.

Та смотрела на неё долго, пристально, словно сканируя каждую клеточку. На идеальном лице не дрогнул ни один мускул.

— Крис, детка, — сказала Кира медленно и с нажимом. — Это что?

Вопрос повис в воздухе. Кристина почувствовала, как краска заливает шею и щёки. Она открыла рот, но ничего не сказала. Просто стояла с этим дурацким листком, чувствуя

себя школьницей, которую вызвали к доске, а она забыла урок.

— Я... — наконец выговорила она. — Я хотела показать личное, искреннее...

— Нет, — резко перебила Кира, и голос её стал жёстким, как лезвие. — Нет, Крис, я серьёзно. Это что?

Она упёрлась локтями в стол. Глаза её сверкали.

— Слушай меня внимательно, детка. Мне нужен отвал башки. Понимаешь? Не сопли, не жалобы, не «ой, меня све-кровь обидела, ой, я такая несчастная». Это, — она ткнула пальцем в листок в руках Кристины, — это читали миллион раз. Тысячи женщин писали это до тебя. Мне нужно то, от чего глаза лезут на лоб. То, что заставит читательницу отложить телефон, выдохнуть и сказать: «Вот это да!» Понимаешь?

Кристина молчала. Она чувствовала себя маленькой, но она же редактор. Она должна держать удар.

— Понимаю, — выдавила она из себя.

— Ты не понимаешь! — Кира встала и прошлась по переговорной, стуча каблуками по ламинату. Все за столом затаили дыхание. Ты можешь написать такое, что мы будем переиздавать в следующем номере. Я знаю это. Я верю в тебя. Но этот текст, — она кивнула на листок, — это не ты. Это твой страх. Твоя неуверенность. Ты пришла на планерку с сырым материалом, потому что боялась показаться слабой. Да?

Кристина молчала. Она не могла сказать ни слова.

— Так вот, — Кира подошла к ней вплотную, положила руку на плечо и посмотрела прямо в глаза. — Я даю тебе время до конца недели. Ты идёшь домой, идёшь на массаж, на макраме, хоть в бассейн, хоть на Северный полюс — мне всё равно. Ты убираешь эту кашу из головы, ты отдыхаешь, ты вдыхаешь. И в пятницу, — она сжала плечо чуть крепче, — я жду супер-статью. Ту самую, от которой у нас глаза вылезут на лоб. Договорились?

Кристина подняла глаза на Киру. В голосе начальницы не было злобы. Только требовательность и какая-то почти материнская забота. Она верила в неё. И это было страшно и одновременно обнадеживающе.

— Договорились, — выдохнула Кристина.

— Вот и умница, — Кира улыбнулась и вернулась на своё. — Идите, девочки. Все свободны. Крис, задержитесь на секунду.

Все разошлись. Яна и Ира бросили на Кристину ободряющие взгляды, но ничего не сказали. Когда дверь за ними закрылась, Кира откинулась на спинку стула и устало выдохнула.

— Садись, — сказала она мягче, указывая на стул рядом. — Я не хотела тебя унижать, ты же знаешь.

Кристина села. Она всё ещё чувствовала себя разбитой.

— Я знаю, — тихо сказала она. — У меня... было столько идей. А сейчас...

— А сейчас ты испугалась, — закончила за неё Кира. —

Это нормально. Каждый хороший автор боится пустого листа. Но ты не должна позволять страху управлять тобой. Ты сильная, Крис.

Кристина молчала, глядя в стол.

— Спасибо, Кир.

— Давай, детка, иди. Дыши. А в пятницу я жду тебя.

Кристина встала, взяла свой дурацкий листок с неудачной колонкой и вышла из переговорной. В коридоре она остановилась, прижалась спиной к стене и закрыла глаза.

«Неделя», — подумала она. — «Целая неделя на то, чтобы найти себя. Чтобы написать то, что я хочу написать, а не то, что от меня ждут».

Она открыла глаза, и медленно пошла в свой кабинет.

Глава 7. Выходной из головы

Кристина вернулась в свой кабинет и с размаху бросила сумку на стул. Пустой экран ноутбука смотрел на неё с неммым укором. Она села, положила руки на клавиатуру и замерла.

Ничего.

Она набрала несколько слов, стёрла. Набрала ещё, стёрла снова. Заголовки, которые вчера казались гениальными, сегодня выглядели как дешёвые клише. Она пыталась писать про свободу — получалось банально. Пыталась про осень — выходило слащаво. Пыталась про развод — но тут же оставалась, потому что внутри поднималась волна тошнотворного напряжения.

«Да что ж такое?!» — мысленно закричала она. — «Ну почему я не могу написать ни строчки?»

Кристина откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Темнота за веками была приятной, чуть мерцающей. Она решила просто посидеть так, ни о чём не думая. Но мысли, как назойливые мухи, лезли в голову.

Она вспомнила Максима. Как он сидел на кухне в своих растянутых трениках, пил чай и громко чавкал. Как он говорил, что её статьи — «для тёток». Как он обижался, когда она просила его помыть посуду. Как его мама звонила и говорила, что Кристина «недостаточно заботится о её сыночке».

Кристина вздрогнула. Открыла глаза.

— Нет, — сказала она вслух, с силой хлопнув ладонью по столу. — Нет. Я не хочу писать про развод. Хватит думать об этом. Я устала. Я больше не хочу прокручивать это в голове. Прошрое — там, за спиной. А я хочу смотреть вперёд.

Она встала, подошла к окну. Солнце уже клонилось к закату, и небо окрасилось в розово-золотые тона. Осень играла красками, как художник, который никак не может остановиться. Кристина смотрела на этот закат и чувствовала, как внутри неё постепенно успокаивается шторм.

Она села за стол, решительно закрыла ноутбук и убрала его в сумку.

«Сегодня — всё, — сказала она себе. — Завтра будет новый день. А сегодня я пойду домой и ни о чём не буду думать. Даже если придётся силой выталкивать мысли из головы».

Кристина вышла из офиса ровно в пять. Вечерний воздух был чистым и прохладным, пахло листвой и уходящим теплом. Надев наушники, она включила свой любимый плейлист — что-то тихое, инструментальное, без слов — и пошла домой пешком.

Тридцать минут неспешной ходьбы через центр города. Тридцать минут тишины и свободы.

Кристина шла по улицам, усыпанным кленовыми листьями, и наслаждалась каждым шагом. Солнце садилось, бросая длинные тени на тротуары. Люди спешили по делам, кто-то торопился домой, кто-то в кафе, кто-то на встречу. А Кри-

стина не спешила. Она просто шла.

«Интересно, — подумала она, — если бы я встретила Максима сейчас, когда я уже знаю, какой он на самом деле... Я бы влюбилась в него или прошла бы мимо?»

Она усмехнулась своим мыслям. Глупый вопрос. Конечно, прошла бы. Сейчас она видела его насквозь — его инфантильность, его неспособность к ответственности, его вечные жалобы на жизнь. Но семь лет назад она была другой. Молодой, наивной, жаждущей любви. Она видела в нём не то, что есть, а то, что хотела увидеть.

«Мы все так делаем, — подумала Кристина. — Мы влюбляемся в проекции. В свои мечты. А потом просыпаемся и понимаем, что рядом с нами — чужой человек. Или, хуже того, человек, который не хочет взрослеть».

Она пошла дальше, оставляя мысли за спиной.

Город постепенно зажигал огни. Витрины магазинов светились тёплым жёлтым светом, и Кристина ловила себя на том, что рассматривает их с интересом. Раньше она всегда проходила мимо, думая о работе, о доме, о Максиме. Теперь она замечала мелочи: красивое платье в витрине, смешную игрушку на полке, пару, которая держалась за руки и смеялась.

«Как же я это пропускала? — удивилась она. Всё делала на автомате. А сейчас... сейчас я вижу мир таким, какой он есть. Ярким. Живым. Настоящим».

Она остановилась у скамейки, присела, достала телефон

и посмотрела на время. 17:45.

Она не хотела домой. Дома её ждала пустая квартира, которая пахла тишиной. Иногда это было приятно. Иногда — слишком громко.

«Жизнь продолжается, — подумала Кристина. — И она прекрасна. Я просто забыла, что умею её замечать».

Она сидела так несколько минут, ни о чём конкретно не думая, смотрела на закат. Слушала город.

А потом встала и пошла дальше.

На углу своей улицы она остановилась, посмотрела на тёмное небо, на котором уже зажигались первые звёзды, и улыбнулась.

Глава 8. Мамин голос и запах детства

Кристина открыла дверь своей квартиры и, не включая свет, сняла пальто и туфли. Сумка полетела в кресло, ключи звякнули о тумбочку. Она прошла босиком по тёплому паркету в гостиную, плюхнулась на диван и вытянула ноги. Нащупала в кармане телефон, посмотрела на экран. Пропущенных вызовов от мамы и сообщение: «Позвони, когда освободишься».

Кристина улыбнулась. Мама. Единственный человек, который не даст ей пропасть. Единственный, кто звонит не с нотациями, а с искренней заботой.

Она нажала на номер и приложила телефон к уху.

— Алло? — раздался тёплый, чуть встревоженный голос.
— Кристина? Я уже хотела тревогу бить!

— Мамуль, привет, — Кристина улыбнулась, чувствуя, как напряжение после тяжёлого дня тает в голосе мамы. — Я жива-здоровая. Просто не слышала телефон.

— Ой, доченька, — голос мамы стал мягче, тревога уступила место облегчению. — Ты ела хоть что-то? Небось опять на работе сидела, забыла про обед. Я же тебя знаю. Ты вся в меня — работаешь до последнего, а потом падаешь без сил.

Кристина засмеялась.

— Мам, я нормально питаюсь. Мы сегодня с девчонками в кафе были. Пасту ели, салат. Всё хорошо.

— Ну, слава богу, — выдохнула мама.

— Мам, а вы как? Что нового? — спросила Кристина, уютно сворачиваясь калачиком на диване.

— Ой, Кристюш, у нас сегодня целое приключение было! — голос мамы оживился, и Кристина представила, как та сидит на кухне, держит телефон плечом и одновременно помешивает что-то в кастрюле. — Я твоего отца еле вытащила в магазин. Две недели уговаривала. Говорю: «Витя, купи себе свитер, старый уже в дырках, на даче неловко перед соседями». А он всё отмахивался: «Да не нужен мне свитер, отстань.»

Кристина хихикнула в трубку. Она отлично знала своего папу. Такой же упёртый, как и она сама. Только упрямство у него было какое-то хозяйственное.

— И что, купили? — спросила она, хотя уже знала ответ.

— Да какой там! — мама засмеялась. — Мы зашли в один магазин, потом во второй. Ему все не то. В итоге мы пошли в магазин «Всё для дома», — мама уже хохотала, и Кристина слышала, как даже отец, сидящий рядом, что-то бормочет в ответ. — И он купил себе новый набор инструментов! Ты представляешь? Инструментов! А свитер так и не купил. Сказал, что и в старом походит.

— Папа — легенда, — сквозь смех сказала Кристина. Мамуль, — я соскучилась. По вам. По дому. По твоим пирож-

кам. По тому, как папа сидит на кухне и читает газету, а ты ворчишь на него, что он опять не вынес мусор.

— Ой, доченька, — голос мамы стал мягче, почти шёпотом. — Приезжай. Ты же знаешь, у нас всегда для тебя место есть. Я испеку твой любимый пирог с яблоками. А папа будет рассказывать тебе свои истории, какие он вечно придумывает.

Кристина закрыла глаза и представила себя в родительском доме. Уютная кухня с жёлтыми шторами, которые мама сшила когда-то сама. Запах пирогов и маминых духов. Папины инструменты, разложенные в гараже в идеальном порядке. Детские фото на холодильнике — она и Лена в школьной форме, смешные, с косичками и бантами.

В её собственной квартире не было такого уюта. Здесь пахло свободой, но не было запаха детства.

— Я приеду, мам, — сказала Кристина и удивилась собственным словам. Она вдруг поняла, что действительно этого хочет. — В следующие выходные. Если вы не против.

— Доченька, какие «не против»?! — воскликнула мама. — Мы с папой тебя ждём всегда. Я позвоню Лене, может, она тоже придет. Устроим посиделки. Как раньше.

— Как раньше, — повторила Кристина, чувствуя, как что-то тёплое и родное разливается в груди. — Мам, а можно я приеду с ночёвкой?

— Конечно! Ваша с Леной комната как была, так и есть. Я там всё сохранила.

— Мам, спасибо, — прошептала она. — За то, что вы у меня есть.

Они ещё поговорили немного. Мама рассказала, что Лена наконец-то купила квартиру, что у соседей родился второй внук, что папа опять начал собирать модель парусника, которую бросил ещё три года назад. Кристина слушала и улыбалась. Эти мелочи, эти обыденные истории возвращали её в то время, когда мир был простым и понятным.

Когда они попрощались. Кристина только положила телефон на стол, как он снова завибрировал. На дисплее высветилось: «Ленка».

— Ну вот, — пробормотала она, принимая вызов. — Легка на помине.

— Кри-и-и-с! — раздался из трубки звонкий, энергичный голос, который, казалось, заполнил всю комнату, даже без громкой связи. — Привет, систер!

Кристина отодвинула телефон от уха, засмеялась.

— Ленка? Ты чего так орёшь? Я тебя и так слышу.

— А я и не ору! Я просто радуюсь! Я соскучилась! — Лена говорила быстро, как будто боялась, что кто-то перебьёт её. — Ты представляешь, я сейчас в поезде! Командировка! Две недели в городе! Я уже почти приехала, через час буду на месте!

— Погоди, — Кристина села на кровати и поставила кружку на тумбочку. — Ты в моём городе? И только сейчас говоришь?

— А я хотела сюрприз! — захихикала Лена. — Но потом подумала, что ты, наверное, уже спишь, а я приеду, буду звонить, ты не откроешь. Вот и решила предупредить. Так что открывай дверь через часик, сестрёнка! Я уже соскучилась по твоим объятиям.

Кристина улыбнулась. Лена — младшая, на пять лет моложе. Вечно шумная, импульсивная, полная идей и планов. Она работала в крупной компании, разъезжала по командировкам и никогда не сидела на месте. Если Кристина была спокойной и рассудительной, то Лена — ураганом, который врывался в жизнь и переворачивал всё вверх дном. Но именно таким её все и любили.

— Лен, ты серьёзно? — спросила Кристина, хотя уже знала ответ. Лена всегда была серьёзна в своей спонтанности. — А где ты будешь жить? В гостинице?

— А вот тут самое интересное! — Лена заговорила ещё быстрее. — Я хочу пожить у тебя! Если ты, конечно, не против. У родителей не вариант. Понимаешь, я там даже пять минут не выдержу. Мама сразу начнёт эту песню: «Леночка, ну, когда ты уже замуж выйдешь? Я хочу внуков! Ты же не молодеешь!», — она смешно передразнила мамин голос. — А я уже устала это слушать. Так что можно я у тебя поживу, а? Всего неделю!

Кристина представила себе эту картину и невольно рассмееалась. Она могла представить, как мама встречает Лену с распростёртыми объятиями, а через полчаса уже накрывает

стол и начинается с тяжёлых вздохов и многозначительных пауз. Лена, конечно, не выдержит и начнёт спорить. И поедет к ней.

— Конечно, дурочка, — ответила Кристина. — У меня есть диван в гостиной. Раскладной. Правда, он не очень новый, но спать можно.

— Да мне хоть на полу! Я не привередливая, ты знаешь! — Лена радостно затараторила. — Только ты пока ничего маме не говори, ладно? Хочу ей сюрприз сделать.

— Как скажешь, — засмеялась Кристина.

— Ой, Крис, я так рада! — Лена вдруг стала серьёзнее. — Мы с тобой так редко видимся. Ты всё занята — работа, этот твой Максим... Кстати, как ты? Не хотела я лезть. Знаешь, я всегда его недолюбливала. Ну, правда. Он какой-то... кислый и душный.

Кристина прыснула в трубку. Лена всегда умела находить точные и смешные сравнения.

— Лимон? — переспросила она, давась смехом.

— Ага! Кислый, вялый, ни на что не годный, но все почему-то его хранят. Думают, вдруг пригодится, — Лена засмеялась. — Я рада, что ты выбросила этот лимон. И вообще, Крис, ты молодец. Я горжусь тобой. К черту этого козла!

— Спасибо, Лен, я тоже горжусь собой, — сказала Кристина.

— Вот и молодец! — Лена заговорила ещё громче. — А теперь слушай, я через час буду у тебя. Я с собой привез-

ла шампанское и шоколад. Устроим пижамную вечеринку! Давно мы вместе не сидели, болтали по душам. Расскажешь мне всё подробно — и про развод, и про работу, и про то, как ты себе нового мужика ищешь.

— Я не ищу, — запротестовала Кристина. — У меня вообще сейчас не до этого.

— А зря! — отрезала Лена. — Ты красивая, успешная, свободная. Ты должна пользоваться моментом. Но ладно, это мы обсудим при встрече. Я уже почти на месте. Собирайся, сестрёнка! Скоро я ворвусь в твою жизнь и устрою там небольшой переполох.

— Боюсь представить, — засмеялась Кристина.

— Правильно боишься! — захохотала Лена. — Всё, до связи. Люблю тебя!

— И я тебя, Ленка.

Кристина положила трубку и посмотрела на часы. Девять вечера. Через час в её тихую, спокойную квартиру ворвётся ураган по имени Лена. И ей почему-то было чертовски приятно от этой мысли.

Она встала с кровати, накинула халат и пошла в гостиную проверить, как там диван. Нашла в шкафу свежее постельное бельё, подушки — всё, что могло понадобиться для комфортной ночёвки. Достала из холодильника сыр, виноград, нарезала хлеб — чтобы было чем угостить Лену. Шампанское сестра обещала привезти. И Кристина улыбалась себе в отражение кухонного шкафчика.

«Ленка... — подумала она. — Немного хаоса в моей размеренной жизни — это именно то, что нужно».

Через час в дверь позвонили. Три коротких звонка — фирменный Ленкин стиль.

Кристина открыла и на пороге стояла её младшая сестра — с огромной сумкой через плечо, растрёпанными волосами, яркой улыбкой и бутылкой шампанского в руке.

— Привет, Крис! А вот и я! — Лена обняла её так крепко, что Кристина чуть не задохнулась. — Скучала по тебе, сестрёнка!

— И я по тебе, Ленка, — ответила Кристина, обнимая её в ответ.

— Пошли на кухню, — сказала Кристина, отпуская Лену. — Я уже нарезала сыр и виноград. Рассказывай, как там твоя командировка.

— Ой, это долгая история! — Лена засмеялась и влетела в квартиру, скидывая туфли на ходу. — У меня столько новостей! Ты себе даже не представляешь. Но сначала давай откроем это, — она подняла шампанское, как трофей.

Они пошли на кухню, и в квартире Кристины снова стало шумно, как не было уже много лет.

Глава 9. Шампанское и разбор полётов

На кухне горел только свет над столом — мягкий, тёплый, создающий уютный полумрак. На столе стояла тарелка с нарезанным сыром, виноградом и хлебом, а между ними — две пузатые бокала, уже наполненные золотистой жидкостью.

Лена сидела на стуле, поджав ноги, в старой растянутой футболке и шортах — она всегда так одевалась дома, даже если это был не её дом. Волосы, растрёпанные дорогой, падали на лицо, но она даже не пыталась их поправить. Кристина рядом с ней — в шёлковой пижаме нежно-персикового цвета, с чашкой в руках — выглядела почти как на обложке журнала. Но она не обращала на это внимания. Только смотрела на сестру и улыбалась.

— Ну давай, — Лена подняла бокал. — За то, чтобы мы не скучали друг без друга. И за то, что ты, наконец, скинула этот балласт.

— За это, — засмеялась Кристина и чокнулась с сестрой. Шампанское зашипело, пузырьки заплясали на поверхности. Кристина сделала глоток, тепло разлилось по телу. Лена тоже отпила, и одобритительно кивнула.

— Хорошее. Не то что в прошлый раз, когда я купила то дешёвое кислятину. Этот — огонь, — сказала она и потяну-

лась за виноградом.

— Ну, рассказывай, — Кристина откинулась на спинку стула и сложила руки на груди. — Как ты там? Работа, личная жизнь? Ты так редко звонишь.

— Ой, Крис, — Лена закатила глаза. — Какая личная жизнь? Если я выйду замуж, ты узнаешь об этом первой. В смысле, я позвоню тебе и скажу: «Сестричка, я дура, помоги мне сбежать».

Они рассмеялись. Кристина покачала головой:

— Боже, ты неисправима. И что, никто не зовёт замуж?

— Зовут, — Лена вздохнула и взяла ещё один виноград. — Но мне пока не надо. Не хочу повторять твою историю. Этот твой Максик и его мама.

Кристина сделала ещё глоток, и в груди разлилась лёгкая горечь. Не от шампанского. От воспоминаний.

— Ну, Лен, ну что ты прям так, — сказала она, но голос её прозвучал неуверенно. — Я же с ним столько прожила. Столько лет. Было же и хорошее.

Лена поперхнулась шампанским, кашлянула и уставилась на сестру с прищуром.

— Хорошее? Серьёзно? — она отставила бокал и наклонилась вперёд. — Крис, давай честно. Ты хоть одно вспомни. Одно! Когда он что-то сделал для тебя, а ты не стояла над ним как над ребёнком?

Кристина задумалась. Открыла рот, чтобы ответить, и закрыла. Через секунду она попыталась снова:

— Ну, он приносил цветы... когда мы только встречались.

— Мда, — подхватила Лена, — целых три свидания.

— Лен, ну зачем ты сейчас это вспоминать? — Кристина вздохнула.

— Затем, чтобы ты не романтизировала прошлое! — Лена хлопнула ладонью по столу.

— Он был инфантильным, — попыталась оправдаться Кристина.

— Инфантильным? — Лена фыркнула. — Это мягко сказано. Ты бы сказала «никчёмным».

Кристина молчала, перебирая пальцами край скатерти.

— И знаешь, что самое смешное? — продолжила Лена, уже мягче. — Я всегда видела, что он козел. А ты разваливаешься на части.

Кристина посмотрела на сестру, и вдруг она поняла: Лена говорит правду. Чистую, жестокую, но правду.

— Знаешь, — сказала Кристина медленно, поднимая бокал, — я, наверное, сама это понимала. Но мне было страшно признаться. Я же столько вложила в этот брак. Семь лет, блин.

— Вот именно, — Лена тоже подняла бокал. — Семь лет ты вкладывала в какое-то никчёмное существо. А теперь у тебя есть шанс вложить в себя. В свою жизнь.

Она стукнула бокалом о бокал Кристины. Звон разлетелся по кухне.

— За свободу, — провозгласила Лена.

— Ленка, ты грубая, — засмеялась Кристина.

— Я честная, — отрезала Лена. — И ты это знаешь.

Они обе сделали по глотку. Шампанское искрилось на языке.

— Хотя, — сказала Кристина, поставив бокал на стол и нахмурившись, — ты права.

— Я всегда права! — радостно заявила Лена.

— Он просто идиот, — произнесла Кристина, и сама удивилась. — Настоящий, полный, абсолютный идиот. Нет, правда. Он же никчёмный. Как я не видела этого раньше?

Они смеялись, хлопали друг друга по рукам, чуть не расплескали шампанское. Смех разносился по кухне, отражаясь от стен и наполняя дом теплом.

— И знаешь, — сказала Кристина, когда они успокоились, — мама до сих пор говорит, что мне стоило подождать, что он бы изменился. «Витя тоже был таким в молодости», — говорит. А я ей: «Мам, папа в двадцать лет в армии служил, а Максим в сорок два боится из дома выйти без маминого разрешения».

— Ой, не напоминай про маму! — Лена закатила глаза. — Она с этим своим «подожди» скоро меня до инфаркта доведёт. Я тебе говорю, если бы я её слушала, я бы сейчас сидела в каком-нибудь посёлке, растила двоих детей и ныла, что не выпалась.

— А чего ты хочешь? — вдруг серьёзно спросила Кристина, поворачиваясь к сестре. — Ты вообще хочешь замуж?

Детей?

Лена задумалась. Крутила бокал в руках и смотрела на пузырьки.

— Не знаю, Крис. Честно? — она подняла глаза на сестру.
— Я хочу, чтобы у меня был человек, который будет меня поддерживать, а не тянуть вниз.

Кристина улыбнулась и взяла сестру за руку.

— Ленка, ты у меня молодец. Знаешь, ты сильная. Гораздо сильнее, чем я была.

— А ты теперь тоже сильная, — ответила Лена и сжала её руку. Скоро ты это поймёшь.

Они сидели так, держась за руки, в тёплом свете свечи, и молчали. В этом молчании было больше, чем в любых словах.

Потом Лена вдруг резко отпустила руку, подняла бокал и громко сказала:

— В общем, за тебя, сестрёнка! За твою новую жизнь, за твою свободу и за то, чтобы этот идиот больше никогда не появлялся на твоём горизонте!

— За это! — Кристина подняла бокал.

Они чокнулись. Шампанское выплеснулось на скатерть, но им было всё равно.

Они смеялись, болтали, вспоминали детство, обсуждали родителей, работу, планы на будущее. И Кристина чувствовала, как вместе с шампанским из неё вымываются последние сомнения и обиды.

Лена была права. Она была её ураганом, который прилетел и перевернул всё с ног на голову. Но именно этого ей и не хватало.

— Знаешь, что я тебе скажу? — Лена вдруг прищурилась, хитро улыбаясь. — Тебе нужен мужик. Настоящий самец.

— Ленка, ну опять ты за своё, — засмеялась Кристина, отмахиваясь. — Я и двух недель не прожила в разводе.

— И что? — Лена вскинула брови. — Ты же не замуж сразу. Просто посмотри, что там есть. Вдруг найдешь кого-то интересного. И вообще, я могу тебя на сайте знакомств зарегистрировать. Это же весело!

— Вот ещё, — Кристина отпила шампанское. — Я и без этого справлюсь. Если будет нужно, найду.

— Ой, смотрю я на тебя, — Лена покачала головой. — Ты такая правильная. Ну, хотя бы для интереса. А то я уеду через две недели, и ты опять закроешься в своей раковине.

Кристина только засмеялась в ответ. Но в голове у неё что-то щёлкнуло.

«Сайт знакомств, — подумала она. — Ну, хотя бы для колонки».

Но вслух она ничего не сказала. Налила ещё шампанского и подняла бокал.

— Давай лучше за то, чтобы мы оставались сёстрами навсегда, — сказала она. — Чтобы никто и ничто нас не разлучило.

— За нас, сестрёнка, — Лена подняла бокал.

Они чокнулись. И в воздухе разлился лёгкий, звонкий смех.

Глава 10. Регистрация ради прикола

Шампанское уже заканчивалось. На дне бутылки плескалось от силы на один бокал, а на столе остались только крошки от хлеба и несколько одиноких виноградин, которые Лена методично уничтожала, болтая ногами под стулом.

— Ой, Крис, слушай, я тут подумала, — сказала Лена с видом заговорщицы. — А давай мы тебя прямо сейчас зарегистрируем?

— Что зарегистрируем? — не поняла Кристина, лениво потягиваясь. В голове уже слегка шумело от шампанского, и мысли текли медленно, как мёд.

— На сайте знакомств! — Лена хитро прищурилась и уже потянулась к своей сумке, где лежал рабочий ноутбук. — Там пять минут делов. Мы успеем!

— Лен, ты серьёзно? — Кристина закатила глаза, но в голосе не было протеста. — Мы только что это обсуждали. Я не хочу.

— А кто говорит про «хотеть»? — Лена уже открывала ноутбук, щёлкала мышкой, и на её лице сияла озорная улыбка. — Это будет не «хотеть». Это будет «попробовать». Для смеха. По приколу. Ну, Крис, ну давай, ну пожалуйста!

Она уже загрузила сайт — яркий, с розовыми кнопками

и заголовком «Встретимся?». Кристина мельком глянула на экран и поморщилась.

— Боже, какой ужас. Розовый. Они что, думают, что женщины любят только розовое?

— Это сайт для серьёзных отношений, — заявила Лена с серьёзным лицом, которое совершенно не вязалось с её хитрым блеском в глазах. — Тут цвет имеет значение. Розовый — это любовь. А любовь — это серьёзно. Давай регистрироваться.

И она начала печатать, комментируя вслух каждое действие.

— Имя: Кристина. Возраст: 37. — она захихикала. — Ой, Крис, ты слышишь? Я пишу: «Кристина, 37 лет, разведенка».

— Лена! — Кристина попыталась отобрать ноутбук, но Лена ловко увернулась и спрятала его за спиной.

— Тихо, систер! — засмеялась Лена, сияя как медный таз. — Я тебя продвигаю. Это же правда! Или ты не разведенка? — она задрала бровь.

Кристина не нашла, что ответить, и только вздохнула, прикрывая глаза рукой.

— Ну пиши, пиши, — проворчала она, махнув рукой. — Всё равно я не буду этим пользоваться.

— А кто говорит «пользоваться»? — ухмыльнулась Лена. — Мы просто регистрируемся. Для смеха. Для колонки. Ты же хотела материал для статей? Вот тебе материал. Прямо

с живым примером.

Она повернулась к ноутбуку и продолжила набирать текст, периодически заливаясь смехом.

— Графа «О себе». Пишу: «Я супер-девушка. Если у тебя кубики пресса на животе – пиши!».

— Ленка, как ты можешь это писать?! — Кристина выпрямилась, пытаясь выглядеть строгой. — Это же пошлость!

— Это маркетинг, сестрёнка, — Лена даже не обернулась. — Если ты напишешь «Я серьёзная женщина, ищу такого же серьёзного мужчину», никто не откликнется. А если написано «я супер-девушка», то каждый подумает: «О, я тоже супер!» — она засмеялась. — И они сбегутся.

— Идиоты, — фыркнула Кристина, но в голосе уже прорезался смех.

— Идиоты — это целевая аудитория, — парировала Лена. — Ладно, что ещё? Рост: 170. Вес: 56. Всё как ты любишь. Цвет глаз: карие. Волосы: русые. Любимый цвет: не розовый, это я точно запомню, — она хихикнула. — Ой, тут есть пункт: «Увлечения».

— Ну напиши что-нибудь обычное, — Кристина махнула рукой. — Чтение, кино, прогулки...

— Ну уж нет! — Лена застучала по клавиатуре. — Я напишу: «Люблю экстремальные виды спорта и дегустировать вина». Пусть думают, что у них будет авантюра!

Кристина поперхнулась шампанским.

— Ленка! Это полный бред!

— А это не важно! — Лена смотрела на экран с видом великого стратега. — Главное, что они будут хотеть с тобой познакомиться.

Они обе расхохотались, запрокидывая головы. Смех был такой звонкий, что, казалось, разбудил соседей.

— Боже, Ленка, ты невыносима! — сказала Кристина, вытирая слёзы.

— Я знаю! — гордо ответила Лена. — И поэтому ты меня любишь.

Она нажала кнопку «Зарегистрироваться», и на экране выскочила надпись: «Ваша анкета создана! С вами свяжутся!»

— Всё! — Лена захлопнула ноутбук и торжествующе подняла руки. — Ты теперь официально на сайте знакомств. Поздравляю! Ты готова покорять мужские сердца!

— Я тебя убью, — засмеялась Кристина, но в голосе её не было злости.

— Слушай, — сказала Лена, уже серьёзнее, — если там появится кто-то нормальный, ты хотя бы посмотри. Не для серьёзного, а для интереса.

— Договорились, — сдалась Кристина, чувствуя, что спорить бесполезно. — Если кто-то напишет, я посмотрю. Но ничего не обещаю.

— И не надо! — Лена уже вставала из-за стола, потягиваясь. — Знаешь, я страшно устала. Давай расходиться? Мне завтра на работу. И тебе, кстати, тоже.

— Да, — Кристина зевнула и тоже встала. — Пора спать.

Они начали убирать со стола. Лена собрала тарелки и отнесла в раковину, Кристина выбросила пустую бутылку и остатки винограда. Зашумела вода, зазвенела посуда — они мыли всё вместе, молча и легко, как умеют только близкие люди, которым не нужно слов.

Когда всё было убрано, Лена вытерла руки и повернулась к сестре.

— Крис, — сказала она мягко. — Спасибо, что приютила. Я правда не хотела к родителям. Там было бы тяжело.

— Ты всегда можешь жить у меня, — ответила Кристина, улыбнувшись. — Ты же знаешь.

Они обнялись. Крепко, по-сестрински, так, что Кристина почувствовала, как пахнет от Лены — дорогой, немного цветочный шампунь и запах командировок. Её ураган. Её младшая сестра.

— Спокойной ночи, систер, — прошептала Лена, отстраняясь.

— Спокойной ночи, Ленка, — ответила Кристина.

Лена ушла в гостиную, где уже был разложен диван, а Кристина прошла в спальню. Она легла в кровать, укрылась одеялом и долго лежала с открытыми глазами, глядя в потолок.

В голове кружились обрывки фраз: «супер-девушка», «разведенка», «идиот», «балласт». И звонкий смех Лены, который всё ещё звучал в ушах.

Кристина улыбнулась в темноте и закрыла глаза.

«Завтра, — подумала она. — Завтра будет новый день».

Глава 11. Утро после и возрастное

Кристина проснулась от запаха. Сначала он просочился в её сон, превратившись в странное видение: она шла по полю, усыпанному цветами, а потом поняла, что это не цветы, а... блинчики? Она открыла глаза и принялась.

С кухни доносился аромат жареного теста, масла и чего-то сладкого. Кофе.

Кристина села на кровати и с трудом сфокусировала взгляд. Голова слегка гудела, как старый радиоприёмник, а во рту было сухо, будто она всю ночь жевала вату. Она посмотрела на время — 7:00.

«Господи, как я встану», — подумала она, массируя виски. Но, запах был настойчивым. Он тянул её на кухню. Кристина надела халат, нащупала тапочки и побрела на запах.

На кухне стояла Лена — в смешном переднике с надписью «Королева кухни», который Кристина когда-то купила на ярмарке и ни разу не надевала. Она ловко управлялась с двумя сковородками одновременно. Рядом на столе уже стоял кофейник, тарелка с нарезанными фруктами и небольшая вазочка с мёдом.

— О, проснулась! — Лена обернулась, сияя улыбкой. Волосы у неё были уложены, на лице — лёгкий макияж, и она выглядела так, будто проспала не меньше десяти часов. — Доброе утро, соня! Я уже думала, ты до обеда не встанешь.

Кристина прищурилась от яркого света, который лился из окна, и поморщилась.

— Ты как встала? — прохрипела она, присаживаясь на стул и подпирая голову рукой. — И как ты вообще выглядишь такой свежей? Я чувствую себя выжатым лимоном. Во рту кошки нагадили.

Лена засмеялась, перевернула блинчик и подмигнула сестре.

— Это просто возрастное, систер, — сказала она с абсолютно серьёзным лицом. — Тебе уже 37, а мне всего 32. Мой организм ещё не знает, что такое похмелье.

— Какое похмелье?! — возмутилась Кристина, но голос прозвучал жалко, и она сама это поняла. — Мы выпили всего одну бутылку на двоих.

— Ага, — Лена налила в чашку кофе и поставила перед сестрой, — только ты её почти одна и выпила. Я больше ела.

Кристина взяла чашку, поднесла к губам и сделала глоток. Горячий, крепкий кофе обжёг горло, но принёс облегчение. Она закрыла глаза и выдохнула.

— Ты чудо, Ленка. Правда.

— Я знаю, — без ложной скромности ответила Лена и водрузила перед Кристиной тарелку с горкой блинчиков. — Ешь. Это лекарство. Жирное, горячее и сладкое — лучший способ вернуть себя в строй.

Кристина взяла блинчик, макнула его в мёд и откусила. Сладкий, горячий, тающий во рту. Она почувствовала, как

организм начинает оживать.

— Слушай, я может, зайду к тебе в редакцию на обед, — подмигнула Лена. — Встретимся в час у твоего офиса. А теперь давай, воскресай, тебе скоро выходить.

Кристина пошла в ванную, приняла быстрый душ, нанесла лёгкий макияж и оделась. Чувствовала она себя уже лучше — кофе и блинчики сделали своё дело. Но где-то внутри всё ещё сидела лёгкая тяжесть, напоминание о вчерашнем вечере.

Она вышла в прихожую, где Лена уже складывала что-то в свою сумку.

— Я ушла, Лен, — сказала Кристина, застёгивая пальто. — Ключ на тумбочке, не забудь закрыть за собой.

— Иди, — Лена махнула рукой. — Удачи тебе с твоей статьёй. И Крис... — она вдруг стала серьёзной. — Я люблю тебя.

Кристина остановилась на секунду, посмотрела на сестру и почувствовала, как внутри разливается тепло.

— Спасибо, Ленка, — сказала она. — Ты даже не представляешь, как это важно слышать.

— Ну, иди уже, — засмеялась Лена. — Покоряй журнальный мир. А я подойду в час.

Кристина вышла из квартиры и направилась к лифту. В голове уже крутились мысли о предстоящей работе, о планёрке, о суперстатье, которую ей нужно было написать. Где-то в подсознании мелькнула идея, но она была ещё смутной,

как утренний туман.

«Сейчас разберусь», — подумала она, нажимая кнопку первого этажа.

Глава 12. Десять писем и подружки-заговорщицы

Кристина влетела в свой кабинет. Голова всё ещё слегка гудела, хотя кофе и блинчики немного привели её в чувство. Она открыла ноутбук, посмотрела на пустой экран и почувствовала, как внутри закипает знакомое чувство паники.

«Ну давай, Кристина, — сказала она себе. — Ты редактор или где? Напиши что-нибудь. Хоть что-нибудь».

Она уставилась в экран, сжала пальцами виски, пытаясь выдавить из себя хотя бы заголовок. Слова не шли. Мысли разбегались, как тараканы, стоило ей попытаться их поймать. Она уже начала машинально перебирать волосы, как вдруг в углу экрана мигнуло уведомление.

«Входящее письмо. Тема: Новое сообщение на сайте знакомств».

Кристина замерла. Сердце на секунду пропустило удар, а потом забило быстрее.

— Чёрт, — выдохнула она. — Ленка...

Она открыла страницу и обомлела. В папке «Входящие» красовалось десять непрочитанных сообщений. Десять! Она просидела на сайте меньше суток, а уже десять мужчин написали ей. Кристина почувствовала странную смесь любопытства и отвращения.

— Ну, давайте посмотрим, кто там, — пробормотала она, открывая первое письмо.

Александр, 30 лет, временно безработный.

«Привет, Кристина! Ты такая красивая! Давай познакомимся поближе? У меня сейчас свободное время, можем погулять. Ты любишь гулять?»

Кристина фыркнула.

— Временно безработный, значит? Сидит на сайте знакомств и ищет, кто бы его покормил. Мимо, — она нажала «удалить» без тени сожаления.

Второе письмо заставило её закатить глаза.

Артурчик_36.

«Привет, Кристиночка! Как у тебя настроение? А я вот думаю, что у нас с тобой могло бы быть что-то интересное. Ты любишь коллекционировать?»

— Артурчик? — Кристина громко расхохоталась. — Прямо «Артурчик»? Он что, в детском саду зарегистрировался? И что значит «коллекционировать»? Фантики? Или, что-то поинтересней?

Она уже собиралась нажать «удалить», но тут дверь распахнулась, и в кабинет ворвались Яна и Ира.

— Крис, ты здесь! — Яна, как всегда, была похожа на ураган — с сумкой через плечо, с наушниками на шее и с хитрым прищуром. — Чем ты тут занята, — она подошла ближе и уставилась в экран. — О! Это что за сайт?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.